

10. Что такое просветление? // Под ред. Джона Уайта. Пер. с англ. А. Дегтярева, И. Нежинского и А. Ригина. М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1996. 326 с.

Е. Н. Матюхина

ПОПЫТКА АНАЛИЗА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

Разговор о культуре на сегодняшнем отрезке непростого существования нашего непростого общества хочется начать со слов Фридриха Ницше, относящихся к истории европейского нигилизма и современного ему омрачения: «Друзья мои, нам туто приходилось, когда мы были молоды: мы страдали от самой молодости как от тяжелой болезни. В этом виновато время, в которое мы живем, в которое мы заброшены, — время большого внутреннего упадка распада, которое всеми слабостями и даже лучшей своей силой противоборствует духу молодости. Распад, следовательно, неопределенность, свойственные этому времени: нет ничего, что бы стояло на ногах крепко, с суровой верой в себя: живут для завтрашнего дня, ибо послезавтра сомнительно. Все на нашем пути скользко и опасно, и при этом лед, который нас еще держит, стал таким тонким; мы все чувствует теплое и грозящее дыхание оттепели — там, где мы еще ступаем, скоро нельзя будет пройти никому». В конце второго тысячелетия мировой истории, первого тысячелетия христианства на Руси, она вновь молода и неопытна — молодая демократия, молодые реформаторы. Возможно, это единственное достаточно удобное обоснование всех ошибок, вывертов, порой полнейшего беспредела, творящегося в культуре, если понимать под ней всю совокупность человеческого существования. Хотя во многом она очень традиционна. К нынешним реалиям по-прежнему приложимы ницшевские определения — *современное омрачение*, государственные кочевники (чиновники и т. д.): нет «родины». Демографическая ситуация, ставшая поводом для сокрушений нашего уважаемого президента — падение семьи, спровоцированное государством, в котором «хороший человек» — диагноз — симптом изнеможения. Хотелось бы, характеризуя современную культурную ситуацию, говорить о восторжествовавшей справедливости как воле к власти, но у нас, к сожалению, только последнее, без примеси первого даже в самых малых количествах. Половая похот-

ливість и невроз — это ли не характеристики отдельных представителей наших власть и закон придерживающих.

Но вернемся к более древним культурным традициям, нежели сооружение властных институтов. Увы, и здесь вслед за Ницше хочется воскликнуть: «Черная музыка» (куда девалась настоящая музыка?). При всех обретенных свободах где то сплетение изысканной музыки и высокой поэзии, которое было возможно в дореформенный период, как Таривердиевские песни в фильме Э. Рязанова.

«Выступление вперед и подъем низших состояний и сословий» — это как раз к истории формирования «элиты» нашего обновленного общества в условиях рыночной, так сказать, экономики («в том числе низших форм духа и тела»), — в целом приводит, таким образом, к перевесу стада над всеми пастухами и вожатыми».

Чем, собственно, всегда славились русские — своим непокорным духом. В каком состоянии он? Снова напрашиваются ницшевские характеристики:

1. «Омрачение духа» (совместное существование стоической и фривольной *видимости* счастья, свойственной благородным культурам, встречается все реже, многие страдания становятся *заметными и высказываются* там, где прежде их переносили и скрывали);

2. *Моральное лицемерие* (способ *выдвинуться* своей моралью, но путем проявления стадных добродетелей: сострадания, заботливости о других, умеренности, а не тех — которые признаются и ценятся вне стадности);

3. *Действительное* сострадание и сорадование в больших размерах (радость близкого общения с большим числом себе подобных, свойственное всем стадным животным — «чувство общности», «отечество», — словом, все то, при чем не принимается во внимание индивид). Не этому ли предаемся мы, собираясь под сводами восстановленных церквей и храмов?

Наше время с его стремлением как-нибудь помочь случайным нуждам, предупредить их и вообще своевременно устранить неприятные возможности есть время *бедных*. Наши «богатые» — вот самые бедные! Коренная цель *всякого богатства забыта!*

Всего глубже подорваны в наше время инстинкт и воля к *традиции*: все установления, обязанные своим происхождением этому инстинкту, противоречат вкусу современного человека... Что бы ни делали и ни думали ныне, во всем преследуется в сущности только

одна цель: с корнем вырвать эту склонность к преданию, к преемственности. В традиции видят тяжкую неизбежность: ее изучают, признают (как «наследственность»), но не хотят ее. Напряжение воли, направленное на далекое грядущее, подбор условий и оценок, дающих власть над сотнями лет вперед — все это в высшей степени несовременно. Отсюда следует, что характер нашей эпохи определяется *дезорганизирующими* принципами.

Тем не менее, можно отметить необычайное внимание, уделяемое изучению традиций иных культур — китайской, японской, индийской и даже индейской (современное движение пау-вао). Возможно, в этом пролог большого будущего нашей собственной.

Духовный кризис распространился так широко, захватил так много уровней, что «преобладание мелочного *торговца и посредника* — даже в сфере наиболее духовного: литератор, историк — приобретает пугающие масштабы».

Что же нас спасет? Прежде всего, не пора ли усомниться в том, что так уж хороши все наши перемены и так уж правы мы, их осуществляющие?

Сомнение — отчаяние мысли; отчаяние — сомнение личности... Сомнение есть внутреннее движение, происходящее в самой мысли, при котором личности остается только держаться по возможности безразлично или объективно. Положим теперь, что движение это будет доведено до конца, мысль дойдет до абсолюта и успокоится на нем, но это успокоение будет уже обусловлено не выбором, а необходимостью, обусловившей в свое время и само сомнение. Так, вот в чем это великое значение сомнения, о котором столько кричали и которое так превозносили люди, едва понимавшие сами, о чем говорили! Раз, однако, сомнение надо понимать как необходимость, это уже показывает, что в данном движении участвует не вся личность. Потому и справедливо, если человек говорит: «хотел бы верить, да не могу, я должен сомневаться». И поэтому же нередко можно встретить среди «сомневающих» людей с известными положительными воззрениями, независимыми от главного настроения их мысли; такие люди являются вполне добросовестными и полезными членами общества, нимало не сомневающимися в значении долга и обязанностей человеческих и не пренебрегающими никакими достойными сочувствия привязанностями и влечениями. С другой стороны, в наше время можно встретить людей, отчаивающихся в душе и все-таки победивших свои

сомнения. Сомнение и отчаяние принадлежат, таким образом, к совершенно различным сферам, приводят в движение совершенно различные области душевные... Отчаяние выражает несравненно более глубокое и самостоятельное чувство, захватывающее в своем движении гораздо большую область, нежели сомнение: отчаяние охватывает всю человеческую личность, сомнение же — только область мышления. Прославленная объективность сомнения именно и выражает его несовершенство. Сомнение дробится в преходящих различиях, отчаяние же абсолютно. Для того, чтобы сомневаться, нужен талант, не нужный для того, чтобы отчаиваться, — талант сам по себе выражает различие, все же имеющее значение. Лишь благодаря различию, не может никогда стать абсолютным; абсолютному соответствует лишь абсолютное. Отчаиваться может и молодая девушка, которая меньше всего представляет собой мыслителя, и никому и в голову не придет называть первого или второго «скептиками». Причиной того, что человек, покончивший с сомнениями, успокоившийся в этом отношении, может все-таки отчаиваться, то, что он желает предаться истинно глубокому отчаянию. Отчаяние вообще в воле самого человека, и, чтобы воистину отчаиваться, нужно воистину захотеть этого; раз, однако, воистину захочешь отчаиваться, то воистину и выйдешь из отчаяния: решившийся на отчаяние решается, следовательно, на выбор, т. е. выбирает то, что дается отчаянием — познание самого себя как человека, иначе говоря, — сознание своего вечного значения. Воистину умиротворить человека, привести его к истинному спокойствию может лишь отчаяние: отчаяние есть вполне свободный душевный акт, приводящий человека к познанию абсолютного.

Нашему спасению способствовало бы и обращение к совету Серена Кьеркегора о покаянии.

«Раскаиваясь, человек мысленно перебирает все свое прошлое, затем прошлое своей семьи, рода, человечества и наконец доходит до первоисточника, до самого Бога, обретает самого себя. Только под этим условием может человек выбрать себя самого, и это единственное условие, на которое согласен он сам, так как лишь оно ведет к абсолютному выбору. — Что такое человек без любви? Есть, однако, много родов любви: отца любишь иначе, чем мать, жену опять иначе, словом, различных лиц и любишь и выражаешь им эту любовь по-разному. Бога тоже любишь, но любовь к Богу может быть лишь одна, и выражением ее может служить лишь

раскаяние. Если я люблю Его, не раскаиваясь, то я и не люблю Его истинною, абсолютною любовью, всем своим существом. Между тем всякая иная любовь к абсолюту — недоразумение: если даже взять так восхваляемую людьми любовь мысли к абсолюту, то и она не будет истинной абсолютной любовью, так как обуславливается необходимостью; как же скоро я люблю свободно и люблю Бога, я и раскаиваюсь, хотя бы у меня и не было никаких других причин для раскаивания, кроме той, что он возлюбил меня раньше, чем я Его. Лишь выбирая себя грешным, виновным перед Богом, выбираешь себя абсолютно, если вообще абсолютный выбор не должен равняться самосозданию. Человек должен раскаиваться и в грехах отцов, перешедших на него, так как лишь путем раскаивания он выбирает себя самого. Личное «я» человека находится как бы вне его и должно быть приобретено им посредством раскаяния; это раскаяние выражает ведь его любовь к Богу и к своему «я», которое он и принимает, наконец, из рук Вечного Первоисточника».

Все упомянутые пути и способы спасения доступны только настоящим индивидуальностям, каковыми были сформулировавшие их Ф. Ницше и С. Кьеркегор. Беда и вина современной культурной ситуации в том, что недостаточное внимание уделяется формированию и дальнейшему существованию индивидуальности, способной не только сохранить, но и обновить, вдохнуть новую жизнь в культурную традицию России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ницше Ф. Воля к власти. М.: «REFL/book», 1994. 352 с.
2. Кьеркегор С. Наслаждение и долг. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998.

Н. Н. Никольская

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ И ПРОФОРИЕНТАЦИИ

Система образования переживает глобальный кризис. Суть его состоит в противоречии между революционным переворотом в производительных силах на основе их интенсификации и эволюционно-экстенсивным развитием образования в рамках традиционных его парадигм. Преодоление этого кризиса и переход к концепции и практике опережающего образования возможны лишь путем фор-